

Альгис Будрис
Падающий факел

«Автор»

1959

Будрис А.

Падающий факел / А. Будрис — «Автор», 1959

© Будрис А., 1959

© Автор, 1959

Содержание

2513 н. э.	5
Глава 1	9
1	9
2	12
3	15
4	19
5	22
6	26
7	29
Глава 2	33
1	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Альгис Будрис

Падающий факел

2513 н. э.

Траурный кортеж медленно двигался по мраморной эспланаде, тянущейся вдоль закованного в гранит берега озера Женева. Вайерман наконец умер...

Альпы, долина Женевы, озеро и зеленые леса на склонах гор вокруг. Вода голубая и холодная; мрачные и серые треугольники гор со снежными шапками на вершинах, высокогорные ветры кружат снег и треплют шелкающие знамена. Летом, не сейчас, это озеро, с трех сторон плотно окруженное самыми модными в освоенной человеком вселенной курортами, полно прогулочными лодочками. С четвертой стороны озера находится город. Столица Солнечной системы.

... С эспланады, не переходя мостовую, выйти к берегу озера было невозможно, и так как сегодня полиция строго пресекала такие попытки, любой желающий посмотреть на похоронную процессию Вайермана вынужден был стоять в растянувшейся вдоль дороги тесной толпе сразу за последними домами города, возвышающимся над головой. Отсюда можно было видеть не только шествие прощающихся, членов почетного караула и военных оркестров, не только приглушенно гудящий броневик с укрытым национальным флагом гробом, установленным на месте снятой автоматической пушки, но также и озеро, горы и апрельское небо...

Женева была белой, какой ей и следовало быть по завету Вайермана. В архитектуре преобладал модерн-неоклассик, стиль, неоднократно подвергнутый критике столпами жанра, но тем не менее являющийся наилучшим возможным приближением из нержавеющей стали, стекла и обтесанных известняковых плит к идеалам Древней Греции, которых, в понимании общественности, надлежало придерживаться уважающим себя общественным и государственным зданиям. Приземистые строения с треугольными крышами дугой выстраивались вдоль берега озера, спускались к нему среди зелени склонов холмов – большинство находило, что вид города захватывает дух. В Солнечной системе было три населенных людьми планеты, общая численность которых достигала четырех миллиардов. Город Женева был всеобщим символом. Шале Вайермана находилось прямо над городом на срезанной вершине одной из гор. Снег на крыше шале штаб-квартиры и у его подножия сверкал на солнце тысячей искр. Стеклопленочные стены были слегка тонированы и ослабляли солнечный свет, не допуская его внутрь полностью; тщательно продуманное распределение пигмента в стеклах оставляло их нижние половины идеально прозрачными, и поэтому мужчина, сидящий в глубоком кожаном кресле около сложенного из отесанного камня камина, мог любоваться зрелищем, открывающимся с вершины мира, вполне свободно.

... Медленно и торжественно марширующие по эспланаде военные оркестры исполняли старинные траурные марши. Время от времени, когда музыка пронимала толпу, люди в ней принимались раскачиваться, как почерневший от мороза ячмень на брошенном поле. Никаких криков или стенаний, почти неприличное отсутствие бурных эмоций. Никаких громких рыданий, поскольку горя, в привычном смысле этого слова, тоже не было. У газетных фотографов не имелось недостатка в подходящих типажах мужского и женского пола с носовыми платками у заплаканных глаз, но в целом толпа – в том смысле, в котором толпу понимал Вайерман – была далека от того состояния, которое обычно называют горем. Горе есть чистая, рафинированная эмоция. Горе основано на присутствии одного изначального, базисного чувства: ощущения потери. Люди видели потерю – потерю невозполнимую. Но вместе с тем ощущение потери каждого имело множество своеобразных оттенков; любовь, но также и страх,

подавленное, упадническое настроение, но также и нервное возбуждение и даже тщательно скрываемая радость. Горе неведомо улюю, оставшемуся без матки. Но сам факт отсутствия матки улюю понятен. Улей гудит и волнуется. Над головами толпы и над всей Женевой висело неясное приглушенное бормотание, в которое сливались звуки, производимые людьми, сдержанно выражающими уместные переживания. Вздохи и скрежет зубов, шарканье ног, стоны и печальное или раздраженное покашливание, смех, все это наполняло собой чашу Женевской долины, с трепетом колыхалось огромным покрывалом над голубой водой, взлетало к горам, отражалось от их склонов и низвергалось тихим эхом вниз...

Город Женева белый и чистый, современный, лишь смутно помнящий свое прошлое, воздвигнутый по единому грандиозному плану, несколько скомканному на заключительном этапе строительства в связи с определенными практическими трудностями, что однако совершенно не замечалось никем из гуляющих по главным улицам его центральных районов. Женева грациозный и счастливый город. У нее есть свои традиции – тщательно сохраняемые и восходящие к далеким временам древней швейцарской столицы, разрушенной силами Вторжения. Старого города не стало, его сровняли с землей. Есть еще те, кто помнит, что пришельцы отстроили Женеву заново, прежде чем их изгнали с Земли во время Освобождения. Как бы там ни было, на месте Второй Женевы Вайерманом была воздвигнута Третья, в которой старые традиции явились замечательной основой для новой жизни.

Это стало городом людей.

... В правительственных зданиях никого. Все клерки гражданских служб сейчас находятся в толпе зрителей. Служащие остались только в нескольких департаментах; в личных кабинетах, в каждом из них в полном одиночестве сидит молодой мужчина.

В одном из кабинетов находился мужчина, которому предстояло занять место Вайермана, место правителя освоенными человеком планетами. Взглянув на настольные часы, он обнаружил, что вскоре должен принять почетный караул у приготовленной могилы, открытой на утесе над озером, и поднялся из своего кресла. Мужчина был молод, едва за тридцать, и во всем его облике недвусмысленно ощущалась удивительная работоспособность и хладнокровие, столь необходимые качества на будущем посту. Благодаря многолетней практике и психологическим тренировкам ему удавалось скрывать эти свои основные качества на публике или хотя бы вводить присутствующих в заблуждение по поводу их подлинной природы, однако отсутствие из-за молодости лет полного самоконтроля все-таки не позволяло ему автоматически продолжать данную линию поведения наедине с собой.

Мужчина подошел к окну, чуть приоткрыл его и выглянул наружу. Кортеж уже одолел две трети эспланады и должен был достигнуть ее конца не менее чем через двадцать минут. У преемника Вайермана оставалось около пяти минут на то, чтобы спуститься к машине, которая доставит его к месту последующего действия – погребения.

Молодой человек в окне стеклянного здания перевел взгляд с темной точки гроба на броневике к сверкающей искре шале и подумал:

«Только он мог уйти так. Но я профессионал. Я знаю, что делаю, и знаю, как нужно вести за собой людей. Я отлично понимаю свои обязанности и думаю, что имею полное право сделать то, что собираюсь сделать.»

Он любитель и всегда им был. Чтобы добиться того же самого положения, я затратил гораздо больше сил, чем он. Он проиграл сразу же, как только попытался начать политическую игру между департаментами. Проиграл – и получил в награду вечный покой. Забытье. Но он начал с самого верха. Он ничего не знал о механизмах политики, ничего из того, о чем знаю я. Я и дюжина других людей в остальных департаментах. На его месте я наверняка превратился бы в тирана со всеми великолепными, роскошными и иллюзорными атрибутами абсолютной диктатуры. Меня определенно забили бы камнями до смерти.

Дело тут не в способностях. Он совершил ошибку – не одну, а несколько, десятков. Никто этого не понимал. Но ему неизменно давали время исправить ошибки и сделать верный ход, потому что вместо него они не хотели никого другого.

И дело, конечно же, не в популярности. Всегда есть те, кто любит тебя безоговорочно, просто за то, что ты есть. Все дело в том, что у него таких людей было больше, чем обычно. Хотя еще больше было тех, кто ненавидел его. Но эти зависели от него. Он приводил их в ярость. Даже тогда, когда с непроницаемым лицом разъезжал по улицам на заднем сиденье своего автомобиля. Они кричали до хрипоты; женщины металась в толпе взад и вперед. Но все происходящее было подобно цикрус максимум – они приходили в истерику при виде сильнейшего животного. Он не был среди них своим. И они не любили его.

И это не был страх. Я мог верить в то, что это был страх, но только до тех пор, пока лично не оказался свидетелем тому, как ловко он удалил от дел своего собственного ставленника – начальника секретной полиции. После того как начальник полиции умер, а на его место не был назначен никто другой, будь то перепуганный на смерть или нет, поведение людей не изменилось ни в чем.

И умных советников у него тоже не было. Председатель Сената, создавший для него новую конституцию, к счастью упокоился, так и не увидев, как в мире, где четверть века насаждали свои доктрины пришельцы, его сбалансированная система, основанная на проверках и балансах, потерпела полный провал. Вайерман пересмотрел эту систему, потом пересмотрел ее еще раз, и делал так до тех пор, пока модель не достигла той степени эффективности, с которой она работает сейчас.

Нет, в нем было что-то, нечто такое, чего, кажется, нет во мне. Я учился, где-то, чему-то и как-то – у него это было в крови. Я способен изолировать это в себе, подавить и хладнокровно проанализировать, а потом зазубрить наизусть – но как бы я не бился, оно не станет частью меня, и ни для кого это не секрет. Они пойдут за мной, потому что я лучший, кого они могут получить, но при этом будут все время знать и помнить, что я не Вайерман. Мне назначено быть пастырем земным и мне будет вручено все, что к этому полагается, но никогда мне не стать Человеком, о Боже. Таким, как он, никогда».

Молодой человек, считающий себя профессионалом, снова внимательно посмотрел вниз на кортеж. Следом за броневиком шествовали официальные преемники Вайермана: члены кабинета, председатель Конгресса, шеф бюро.

Молодой человек, считающий себя профессионалом, улыбнулся. У этих тоже есть свои планы, но у всех и каждого из них нет того самого главного, решающего и основного, что имелось у него. В глазах общественности эти фигуры были идентифицированы как власть предрешающие, но это была только видимость. Слишком высоко они забрались, чтобы им можно было сравниться с энергичными молодыми людьми; слишком тесно загнали себя в рамки необходимости и условностей, чтобы обладать достаточной гибкостью в борьбе за положение на самом верху. Через шесть месяцев, через год самое большое, все они уйдут, даже самые сильные и стойкие.

Их места в кабинетах власти займут энергичные молодые люди, хорошо осознающие собственные способности и шансы на успех, каждый находящийся на идеальном для себя месте и потому вне досягаемости для любой опасности; любая новая метла будет им нестрашна, так они будут незаметны, никакому плечу не под силу будет их столкнуть, так прочно и значительно будет их положение. Каждому из них его соперник будет точно известен. Это знание протянет невидимые нити из одного кабинета в другой, нити извилистые и грозные, словно пучок молний.

Преемник Вайермана припомнил последний заключительный абзац новейшей и, как считалось, наиболее точной биографии Вайермана. В минувший ноябрь он просмотрел экземпляр

книги через пять минут после ее появления на свет, после этого обращался к ней не раз и многие места заучил наизусть. Например, вот это:

«Вспыльчивый порой, но всегда отстраненный – «своенравный», даже такой анахронизм можно было бы использовать при создании описания его облика, – суровый и жесткий; все эти определения есть часть характера Вайермана. Его лицо знакомо нам так же хорошо, как и лицо, которое мы видим каждое утро в зеркале. Его голос входит в наши уши и узнается сознанием без малейшего промедления или колебания. Мы обращаем к нему свои приветственные крики, когда он появляется среди нас, когда в окне президентского лимузина замечается его всегда прямая неподвижная фигура – Старая Ворчливая Черепаха, вот кем, с легкой руки мультипликатора Виллоугби, окрестило его наше поколение – всегда один, без помощников и советников. Последняя инстанция. Само Олицетворение Закона. Ум и совесть нашей эпохи.

Мы хорошо знаем его. Мы знаем, что он дал нам: честь, свободу, самоуважение, все, что мы потеряли – потеряли давно и более того, о чем даже перестали вспоминать – все это он вернул нам один, без чьей-либо помощи. Без страха и упрека, без колебаний – без друзей и соратников, почти без последователей – он один собственноручно повернул историю Земли, он, кому нет соперников ни в прошлом, ни в будущем, потому что нет такого героя, который смог бы повторить его подвиг.

Есть ли среди нас тот, кто может сказать: «Да, я знаю этого человека»? Даже сейчас, на закате жизни, годы не смягчили его. Те силы, которые сделали его таким, какой он есть, тот единственный агонизирующий выплеск, который изваял гранит его души, те муки и тот триумф – те поражения, которые несомненно были, но которые воспитали в нем невиданную стойкость – все это потеряно, не записано ни в одной хронике, не передается из уст в уста, находится вне сил и способностей воображения человека. Память об этом есть в суровых линиях его лица и непреклонности его взгляда, но только лишь, более нигде. Что могло создать среди нас личность такой мощи? Что сделало из человека, рожденного женщиной, создание, поднявшееся над людьми?

Возможно, мы не узнаем этого никогда. Мы можем испытывать только благодарность за то, что он есть у нас.

– Роберт Маркхэм, *Деп. лит.*,

«Вайерман Таймс», *Издательство Университета Колумбия,*
Нью-Йорк, 2512 н.э. 4 долл.

Преемник Вайермана отвернулся от окна кабинета. В личном президентском экземпляре книги Маркхэма на оборотной, чистой стороне титульного листа размашистым почерком Вайермана было написано: «Болван!»

Какой вывод мог сделать молодой человек, собирающийся занять место Вайермана, из всего этого? Откуда берутся люди такой закалки?

Преемник Вайермана вышел из кабинета, аккуратно закрыл за собой дверь, опустился вниз на лифте и уселся на заднее сиденье ожидающей у парадного входа машины. В ту же самую минуту с правительственной стоянки стали отъезжать машины остальных участников траурного караула. Другие молодые люди, сидя на задних диванах своих лимузинов, так же молча рассматривали черные спины личных шоферов. Вереница тихих машин понеслась по длинной и прямой дороге по направлению к месту погребения. Молодые люди в машинах одинаково хмурились, раздумывая о чем-то.

Глава 1

1

За сорок четыре года до этого дня и в четырех световых годах от Земли, на стене главного кухонного зала отеля «Роял Чиерон» зазвонил телефон. Томас Хармон, шеф-повар отеля, даже не повернул на звонок головы, потому трубку снял один из мальчиков-подручных. Хармон был занят очень важным делом – он пробовал соус, только что приготовленный одним из поваров младшего ранга. Чтобы лучше разобрать вкус, он поднял язык к небу и привел в действие вкусовые пупырышки, расположенные на его корне. За двадцать лет он поднялся от подручного до своего теперешнего положения, а начинал он свою карьеру не совсем уже молодым человеком. С годами, по мере того как остальные чувства Томаса Хармона притуплялись и теряли свою остроту, его вкус становился все более утонченным и безошибочным. Он был хорошим шеф-поваром – возможно не совсем таким уж бесподобным, каким его выставляли на словах, но по-настоящему хорошим.

Его подчиненный взирал на таинство дегустации с волнением и подобострастным вниманием, в его широко распахнутых карих глазах сверкали те самые золотистые точки, которые по прошествии нескольких веков колонизации сделались основным знаком, отличающим центавриан от землян.

Хармон медленно кивнул.

– Неплохо, – проговорил он. – Но я бы добавил немного джон-травы.

Джон-трава несколько отличалась по вкусу и запаху от чабреца, но чабрец не рос на Чиероне, одной из планет Альфы Центавра 4. Ничего, сойдет и джон-трава.

– Самую малость, щепотку, Стеффи.

Стеффи облегченно кивнул, и его лицо просияло.

– Одну щепотку. Будет исполнено, господин Хармон. Благодарю вас, сэ.

Хармон промычал в ответ что-то невразумительное и направился дегустировать следующее блюдо.

– Простите, господин Хармон.

Это подал голос тот самый мальчик-подручный, который ответил на телефонный звонок. Хармон быстро обернулся.

– Что тебе?

Его голос был резок и отрывист, более резок и отрывист, чем ему самому хотелось бы. Но подручный отвлек его от главнейшего занятия дня. Хармон вспомнил, что действительно не так давно слышал телефонный звонок, и это только усилило его раздражение. Сейчас он узнает, что за наглец решается отрывать его от дел в разгар рабочего дня.

– Извините, господин Хармон.

Паренек был явно перепуган его рычанием. Хармон улыбнулся своим мыслям. Ничего, от мальчишки не убудет. Хороший начальник не должен забывать о строгости, чему была по меньшей мере одна веская причина. Строгость в обращении давала подчиненным четкое представление о статусе начальства и, кроме того, стимулировала их к достижению такого же положения. Кроме того, строгость охлаждала горячие, но недалекие головы прежде, чем их владельцы успевали отколоть какую-нибудь глупость в самый неподходящий момент. В такой момент, например, как сейчас.

– Так в чем же дело?

– Там... вас просят вас к телефону, сэ. Говорят, что дело срочное.

– Не сомневаюсь, – пробурчал Хармон. Он уже догадывался, чей голос услышит в наушнике. Приложив трубку к уху, он понял, что не ошибся. Это был Хеймс, секретарь канцелярии президента Вайермана.

– Господин премьер-министр?

– Да. Это ты, Хеймс?

– Президент Вайерман просил меня довести до сведения членов кабинета о том, что сегодня на семь часов вечера назначено экстренное совещание. Президент понимает, что этим он ставит всех в очень трудное положение, но особенно просил меня подчеркнуть важность сегодняшней повестки дня и напомнить всем о необходимости прибыть без опозданий.

– О чем пойдет речь на этот раз, Хеймс? Будет зачитана в диктофон очередная резолюция для пересылки в Центаврианский Конгресс?

– Не могу знать, сэр. Могу я доложить президенту, что вы будете у него в назначенное время?

Хармон нахмурился.

– Да... да, передайте, что я постараюсь быть вовремя. Я ведь принес клятву служить интересам Правительства в Изгнании, в конце концов.

Он положил трубку на рычаг. Стены отеля не обрушатся от того, что принадлежащий ему с потрохами драгоценный господин Хармон отлучится на несколько часов для небольшого разговора. Так что, все в порядке. Сегодня вечером за обедом постояльцы «Роял Чиерон» не смогут отведать экзотической земной кухни, коей отель так славился, во всем ее блеске – это конечно трагедия, но мало кто из не-знатоков сумеет разобраться в отличиях. И только-то.

На Чиероне нет настоящих ценителей – за исключением, может быть, горстки беженцев-землян – поэтому потеря будет невелика. Томас Хармон негодует, но до этого мало кому есть дело. Хармон повернулся и через головы поваров крикнул своему заместителю, что приготовление сегодняшнего обеда полностью переходит в его руки, повернулся на каблуках и с непроницаемым лицом направился в свой номер.

В соответствии с положением, которое Хармон занимал в иерархии отеля, его номер был весьма удобно расположен и оборудован по последнему слову комфорта и шика, чем в особенности отличалась спальня. Имелась также и небольшая гостиная, обставленная с утомляющей чопорной роскошью, что составляло продуманный контраст изяществу спальни и делало первую не слишком удобной для пользования. В обычной ситуации он предпочитал держаться от гостиной подальше, принимал существование дополнительной комнаты скорее лишь за один из знаков различия, приличествующий его рангу, чем нечто приятное и полезное в быту. Вот уже десять лет он был вдовцом, имел привычки обычные, но твердо устоявшиеся и ни в каком дополнительном пространстве для жизни, чем то, что ему предоставляла спальня, не нуждался совершенно – нужно отметить, что спальня эта была немаленькая. Ему было хорошо известно, что этот гостиничный номер будет сохранен за ним до тех пор, пока он не вздумает вдруг уйти на покой. И никаких изменений в этом плане не случится даже после того, как его функции в качестве шеф-повара усохнут настолько, что единственным полезным вкладом в процесс приготовления пищи будет являться его личная подпись над нижним срезом листа обеденного меню.

Хармон достал из гардероба костюм, только сегодня вернувшийся из чистки и повешенный туда коридорным отелем, и положил его на кровать. После этого он принялся неторопливо одеваться, с удовольствием ощущая прикосновение мягкой, дорогой ткани прекрасного костюма к своему телу, с улыбкой размышляя о том, что на Земле прессой воспринималось как несколько эксцентрическое увлечение. Как кстати его умение пришлось здесь!

Представ перед гардеробным зеркалом, он изучил в нем свое отражение. Средних пропорций мужчина с небольшим брюшком и выщипанными седыми аккуратно подстриженными

волосами – его скорее можно было принять за одного из совладельцев «Роял Чиерон», чем за члена персонала отеля.

Сняв трубку телефона и набрав короткий номер, он попросил подать его машину к боковому выходу. После этого, так как необходимо было немного обождать, Хармон напомнил себе о свадебной церемонии, которая должна состояться в банкетном зале отеля на следующей неделе. В течение нескольких минут он начерно набрасывал подходящее для такого случая меню, призвав на помощь свои знания в тонком вопросе соотношения вкусовых и калорийных качеств блюд в их следовании друг за другом, сделав также пометку о необходимости проконсультироваться с главным виночерпием отеля перед принятием окончательного решения.

2

Он вел машину не торопясь, медленно следуя улицами Чиерон-Сити и постепенно приближаясь к дому, в котором проживал президент Вайерман. Время от времени бросал взгляд на блекло-голубое небо, по которому одновременно катились желтоватое солнце и туманно-прозрачная маленькая луна. Зрелище это никогда не казалось ему скучным и обычным, по причинам, изменяющимся с каждым годом жизни на этой планете. Поначалу он объяснял себе интерес к небу привлекательностью новизны и частенько ловил себя на том, что взирает вверх буквально вытаращив глаза, вроде той деревенщины с тьмутараканской фермы, который первый раз в жизни увидел перед собой высокий каменный дом. Ощущение новизны ушло примерно тогда же, когда он был принят в отель на ночную смену – неуклюжий сорокалетний мужчина отнюдь не уверенный в себе, начал выполнять работу молодого парня и нередко, сясь продраться сквозь неодолимый местный акцент, искаживший здесь язык до невыносимости, чувствовал себя настоящим болваном. В те дни он бывал рад, когда замечал на горизонте полоску рассвета.

Сейчас же, неторопливо колеся по узким улочкам, он размышлял о том, как далеко от голубого неба Чиерона находится Земля и Солнечная система – о том, какое поистине невообразимое расстояние разделяет эти миры.

Четыре века назад Чиерон являлся первым форпостом землян в их освоении звезд – первым, и как то вышло, до сей поры единственным. За четыре сотни лет срок перелета сократился от десяти лет до четырех, приблизившись к эйнштейновому пределу скорости перемещения через три измерения, и это было максимумом того, что Земле удалось добиться. Они только-только начали первые испытания ультрадрайва, когда грянуло Вторжение. Люди получили ультрадрайв, но Солнечную систему это не спасло. Земля прочно перешла в руки пришельцев. В фокусе внимания расы людей оказался Центавр, в то время как родная планета превратилась в подобие Римской империи, став полузабытым далеким эпизодом на задворках быстро расширяющейся границы цивилизации.

В конце концов, с пришельцами или без, ситуация все равно была бы похожей. Молодые земные колонии, назвав себя Объединенной Центаврианской системой, быстро забыли об отчем мире и бодро двинулись вперед семимильными шагами, не только освоив планетную систему своей звезды, но и насадив собственные колонии и наладив связи с чужеродными разумными расами, находящимися далеко за пределами земной досягаемости, превратившись в колосса, по которому, через родительский труп, не отваживались нанести удар даже пришельцы.

Хармон аккуратно свернул на улицу, где в одном из неказистых многоквартирных домов проживал президент. Припарковавшись следом за роскошным лимузином, в котором он узнал машину министра финансов Стэнли, и, выбравшись наружу, увидел остановившееся на противоположной стороне улицы такси, появившийся из которого министр обороны Генович расплатился с водителем и небрежным жестом руки отверг сдачу. В обшарпанный холл подъезда Хармон вошел следом за Геновичем.

– Как поживаешь, Джон? – приветствовал Хармон коллегу.

– Привет, Том. Спасибо, хорошо. Как ты?

Они пожали друг другу руки, испытывая неловкость из-за вынужденности встреч и, дожидаясь лифта, немного поболтали.

– Как твоя жена, Джон?

– Отлично, Том, просто отлично.

– Как идет бизнес – тоже порядок?

– Все хорошо, действительно, как никогда. Сегодня я начал работать по новому большому контракту. Если мне удастся благополучно довести дело до конца, то комиссионных хватит на то, чтобы полностью оплатить колледж Джонни.

– Что ж, прекрасная новость. Желаю успехов. Куда ты собираешься отдать сына? Я слышал, что наш столичный университет – вполне приличное заведение.

– Согласен, университет хороший – я специально наводил справки. Но Джонни хочет отправиться на Аребан, в тамошний университет – на их технологическом факультете, видите ли, лучшая инженерная школа. Это ведь у черта на рогах – дома он будет появляться только летом и на Рождество. Но, как бы там ни было, ему решать. Я считаю, что он достаточно взрослый, чтобы выбрать себе дело по душе. Кроме того, насколько я понял, есть одна девица, которая собирается в Школу Искусств при том же университете – наверняка это было не последним аргументом.

Генович усмехнулся.

Они вместе вошли в скрипучую кабину лифта и поднялись на нужный этаж. Узкая площадка этажа была тускло освещена единственной лампочкой. Оказываясь здесь, в тесном мрачном вытянутом пространстве среди одинаковых выкрашенных коричневой краской дверей, за одной из которых скрывалось жилище президента, Хармон всегда испытывал чувство неловкости; казалось, что за этими деревянными прямоугольниками-близнецами протекает какая-то таинственная, но наверняка нелицеприятная жизнь, которую лучше было держать взаперти; раз попав на свежий воздух, эта жизнь, с ее планами и мечтами, немедленно зачихнет и умрет. Генович нажал на кнопку звонка.

Открыв дверь, секретарь Хеймс распластался по стене, чтобы дать им возможность войти в узкий вытянутый коридорчик, ведущий мимо кухни вглубь квартиры.

– Господин премьер-министр, господин министр обороны, – приветствовал их секретарь. – Все члены кабинета в сборе и находятся в гостиной. Президент Вайерман присоединиться к собранию с минуты на минуту.

– Спасибо, Хеймс, – отозвался Генович и отступил, пропуская Хармона, двинувшегося вперед и как обычно отметившего для себя ту перемену, которая под влиянием атмосферы этого места всегда происходила с ними: тот внезапный груз осознания собственной значимости и достоинства, который формализовал их манеры и изменял звучание голосов. Он прошествовал в гостиную с потертыми коврами и старой мебелью, где неудержимо рвались на волю пружины из кушетки и кресел, бархат с подлокотников которых был давно вытерт.

Являясь сюда, заметил себе Хармон со свойственным ему остроумием, мы попадаем под действие сил притяжения иного мира.

Неплохой каламбур, подумал он, раскланиваясь с многочисленными присутствующими, в свою очередь покидающих насиженные места, чтобы пожать руки и обменяться словами приветствия с вновь пришедшими. Помнится, молодой Такавара был по этой части большой мастер. Иногда он ухитрялся изобретать словесные шедевры, срабатывающие сразу на двух языках, от чего они становились еще острее. Он был лучшим из моих секретарей. Интересно, что случилось с ним в тот день, когда царила полная неразбериха, когда нам, после нелегкого старта, лишь с огромным трудом удалось пробиться сквозь заслоны кораблей пришельцев.

Тогда мы все были моложе, значительно моложе. Президенту и его кабинету удалось избежать пленения, и это казалось нам огромным достижением, почти залогом победы. Конечно, мы могли дождаться остальных и забрать и их тоже, но рисковать было нельзя, и поэтому улетели только те, кто в тот день представлялся наиболее важным. Но мы ошиблись. Мы все бросили своих Такавара, а без них оказались как без рук.

Стэнли приберег для него место рядом с собой на кушетке. Хармон с благодарностью занял его.

– Как поживаете, господин министр финансов? Как здоровье?

Стэнли, его ровесник, был одет в костюм очень похожий на его собственный, может быть чуточку более консервативный, но не уступающий по качеству. Они пользовались услугами одного и того же портного, и Хармон держал свои деньги в банке, где директорствовал Стэнли.

– Неплохо, неплохо, господин премьер.

В обыденной жизни Стэнли звал его Том.

– А как ваше здоровье, разрешите осведомиться?

– Благодарю, не жалею.

Хармон оглянулся по сторонам, отметив по ходу, что с каждым разом вопросы о здоровье становятся все менее и менее формальными. Вот парадоксальный Йеллин, министр здравоохранения и благосостояния, сидит ссутулившись над своей тростью, устроив на набалдашнике одну на другой желтые руки и уставившись слезящимися глазами склеротика в никуда, в своем повседневном изношенном костюме и дешевых черных ботинках. Бок о бок с ним Дюплезис, который мог вполне сойти Йеллину за родного брата – Дюплезис чуть моложе и немного подвижнее, но и то и другое совсем немного. Хармон живо представил себе их меблированные комнаты, где эта пара обитает подобно отшельникам в своих сумрачных маленьких пещерах, коротая время за спорами о том, достаточно ли хороша сегодня погода для того чтобы, болезненно шаркая по каждой ступени, спуститься по лестнице вниз, посидеть в парке, и так день за днем все эти годы – вот кто наверное проклинает тот день, когда согласился лететь на Чиерон – эти люди считались старыми еще тогда, когда о пришельцах и слухом не слыхивали, они затерялись в незнакомом мире, который, как вышло, и знать их не хотел.

В коридоре, ведущем в спальню, появился Хеймс.

– Господа, Президент объединенного правительства Земли и Солнечной системы.

Они все встали, кто быстрее, кто медленнее – целая комната пожилых людей.

Ральф Вайерман, появившийся через несколько секунд, выглядел не моложе их всех.

3

Президент был худ и сутулил плечи. Хармон машинально отметил бедственное положение президентского костюма – ощутимо выцветшую ткань, чему виной несомненно была влага от тела, в течение многих лет раз за разом пропитывающая ткань и высыхающая на ней, бесформенные и обвислые пиджак и брюки, вытянувшиеся и истончившиеся от бесконечных движений до такой степени, что никакая чистка и глажка уже не могли придать им должный вид.

Было видно, что президент устал. Его темные волосы поредели, стали тонкими и седыми. Глубокие морщины спускались вниз по его щекам и собирались в складки под вытянутыми челюстными костями. Острый нос выдавался вперед клювом, а в углах рта и щеках залегли глубокие впадины. Губы президента отличались слабо-голубоватым оттенком. Гибкая энергия и сила, отличавшие его во времена зрелости, исчезли без следа, уступив место напряженной непоколебимости, упрямству и болезненной целеустремленности. Во время последнего собрания Хармон с удовольствием отметил глубинный жизненный огонь, отблески которого замечались в глазах Вайермана. Но сегодня вечером угасли даже эти тусклые искры, подобно тому, как угасает последний сторожевой костер окруженной армии.

– Господа.

Дыхание, прорвавшееся наружу сквозь сухое горло президента, превратилось в голос.

– Добрый вечер, господин Президент, – проговорил Хармон, испытывая только одно желание: больше не приходиться сюда никогда.

– Добрый вечер, Том.

Остальные члены кабинета тоже пожелали Президенту доброго вечера нестройным хором, и как только приветствия закончились, снова расселись по своим местам – один только Хеймс остался стоять позади президентского кресла.

Ну, что нас ждет сегодня? – пронеслось в голове у Хармона. Сразу после их появления на Чиероне заседания кабинета олицетворяли собой для них жизнь. В те дни у них был смысл: с правительством Чиерона постоянно велись переговоры, с официальными лицами Объединенной Центаврианской системы устраивались встречи, необходимо было организовать финансирование из фондов Солнечной системы, тех вложений, что были переведены в здешние банки до краха – да, то были бурные времена. Вместе с тем это было время медленного умирания, когда все действия их организации ужимались и чахли прямо на глазах; уже через полгода многостраничные петиции к Центаврианскому Конгрессу «усохли» до скупых резолюций, которые не печатались, а просто наговаривались в диктофон – год за годом стагнация наслаивалась над беглецами.

В те первые дни после прилета у них еще была надежда. Ходили даже разговоры о том, что Центавр может объявить войну пришельцам и освободить Землю. Но силы центавриан и пришельцев были почти равны – равны настолько, что никто не осмелился бы предсказать исход войны между ними. Солнце было от Центавра слишком далеко. Связующие нити медленно, но верно становились все тоньше. Язык их общения на планете, находящейся в четырех световых годах от родины, подвергся неизбежным изменениям. Их жизненные интересы, начавшись от глобальных проблем масштабов борьбы за межзвездные сферы влияния, постепенно измельчали до личных. Их воспоминания о планете, семена которой были заронены на здешнюю почву четыре сотни лет назад, приобрели все словесные атрибуты легенд, слезливых повторений далекого и туманного вида, превратились в сказания о маленьком архаичном мире в прошлом, теперь уже чужом, с которым торговые отношения не поддерживались ввиду вполне реального риска вооруженных конфликтов.

«Правительство в изгнании» стало на двадцать лет старше. К тем, кто перевалил средний возраст до отлета, этот термин был уже неприменим. Генович, тогда самый молодой среди них, самоуверенный Непоседа, везде сующий свой нос, стал считаться вполне своим.

Хармон снова взглянул на президента Вайермана и подумал о том, что возможно сегодня вечером все наконец кончится. Неужели?

Но Вайерман был не из тех, кто обгоняет протокол. Всегда придерживающийся устоявшихся традиций собраний кабинета, он не изменил им и сейчас, без слов ожидая обычных предварительных докладов, словно вовсе ничего и не случилось, словно они никогда не бежали в панике из Женевы, где армия клерков всегда была готова угодливо преподнести им сводку недельных событий и ближайших прогнозов.

Хармон перевел взгляд на Йеллина и Дюплезиса, от них к Асманди и Домбровски – от Здравоохранения к Почте, от Почты к Труд и Сельскому хозяйству. Кого он видит перед собой? – призраков, да и только.

– Эдвард? – коротко выдохнул Вайерман.

Стэнли с раздражением поднялся с кушетки. Когда министр финансов пожал плечами, его пергаментные щеки дрогнули.

– Ничего нового. Центаврианское правительство перевело на наш счет ежемесячный процент по земным активам. В ответ на мое обычное прошение об увеличении отчислений был получен стандартный ответ о том, что рассмотрение дела по заявкам теперешнего правительства пришельцев на прежнюю государственную собственность Земли в Верховном Суде еще не закончено. Короче говоря, ни умереть не дают, ни жить как следует. Верховный Суд Центавра не желает давать в руки пришельцев никаких зацепок.

Вайерман с усилием кивнул.

– Карл?

Стэнли опустился на место и ему на смену поднялся Гартманн, министр иностранных дел.

– Никаких новых обстоятельств в деле о собственности Земли на Центавре не появилось. Я направил в Верховный Суд обычную петицию с требованием вернуть собственность законным владельцам.

– Что ж, здесь тоже все ясно, – подал голос Вайерман. – Правительство ОЦС не желает приводить легальную ситуацию в соответствие с тем, что имеет место *де факто*. Объединенная Центаврианская система испытывает к нам симпатию, но начинать на этом основании военные действия против пришельцев с их стороны было бы конечно же глупо. Если в один прекрасный день положение вещей изменится настолько, что Центавр и силы пришельцев вступят в фазу военного конфликта по причине непримиримого несоответствия интересов, Верховный Суд вероятно внезапно признает за нами право собственности на земные активы. Возможно также ожидать в этом случае и некоторых других чудесных событий.

Все снова-здорово поехало, подумал Хармон. Мы живы и худо-бедно поддерживаем видимость активности. Хотя, по правде говоря, мы давно уже умерли.

Гартманн сел на место, и Вайерман откашлялся.

Вот сейчас все и решится, подумал Хармон и почувствовал, что почти сгорает от нетерпения. Давно пора!

– Господа... – голос президента был голосом глубокого старика, он невероятно устал. – Ситуация, в которой мы находимся, достигла кризисной точки.

Президент оглянулся к Хармону, словно за помощью, но тот даже представить себе не мог, где и в каком виде эта помощь может быть им оказана. Премьер-министр мог помочь в любой ситуации, но только не в такой. Пока Вайерман жив, Землю представляет именно он, и он является символом того, что рухнуло под ударами агрессора двадцать лет назад, но не считается умершим, пока он существует. Право принимать решения и отдавать приказания

окажутся в руках Хармона только после того, как нынешнего президента не станет. Право принимать решения Вайермана и право отдавать приказание Вайермана. В бессилии сделать что-либо, Хармон опустил глаза, но уже через секунду Вайерман вновь подобрал ослабевшие вдруг поводья.

– Всем нам известно – всем без исключения, – что если Объединенная Центаврианская система найдет способ помочь нам, не афишируя широко эту помощь, то в тот же день это будет сделано. Этот парадокс до сих пор казался неразрешимым. Но на днях решение, как мне представляется, было найдено.

Хармон вскинул голову.

– Ни для кого не секрет, – продолжал Вайерман, – что Фонд Освободительной Борьбы в течение всех лет оккупации финансировал линии сообщения с отрядами сопротивления на Земле. Я заявлял и заявляю о первостепенной важности поддержания такого рода сообщений, даже учитывая то, что оплата фрахта быстроходного корабля пробивает огромную брешь в бюджете «правительства в изгнании». Но без этих редких радиоконтактов, которые производятся с борта курьерского корабля, мы были бы отрезаны от всего, что происходит на родине. До сей поры сведения о существовании групп сопротивления не были обнадеживающими. Партизанские отряды, с которыми нам удавалось установить контакт, были малочисленны, малоэффективны и рассеяны по планете, что не давало надежды на успех. Но совсем недавно выяснилось, что на Земле имеется одна довольно крупная, хорошо организованная и действенная группа. Как вы уже поняли, речь идет об отряде бывшего лейтенанта Хамиля, которому, в ответ на его прошение, не далее как месяц назад было присвоено звание генерала.

– Но все это само по себе тоже не давало особой надежды. Группа генерала Хамиля могла рассматриваться только в качестве зародыша восстания, ожидающегося того дня, когда помощь со стороны сможет быть оказана – помощь, которую мы, в своем положении, не в силах были обеспечить и в которой нам отказывало правительство Центаврианской системы, не желающее рисковать угрозой глобального военного конфликта со всей империей пришельцев.

– Однако вчера, впервые со дня нашего прибытия на Чиерон, обнаружились обстоятельства, в связи с которыми мы сможем теперь сделать позитивный шаг в направлении освобождения Земли. Коротко: Аребанская Военно-Промышленная Компания, являющаяся основным поставщиком армии Центаврианской системы, не так давно заключила очередной долгосрочный контракт на производство пехотного автомата новейшего типа. Как следствие, предыдущий контракт на производство автоматов существующего типа был аннулирован, в результате чего у Аребанской компании осталось на складах большое количество только что изготовленных автоматов старого типа, естественно совершенно новых и в отличном состоянии, для которых теперь нет сбыта в пределах ОЦС. Вчера ко мне для переговоров явился агент Аребанской ВПК и предложил приобрести у его компании это оружие и полагающийся запас боеприпасов к нему на том условии, что оплата будет произведена после изгнания оккупантов с Земли, когда мы, как пришедшее к власти правительство, окажемся в состоянии это сделать. Короче говоря, господа, у нас появилась реальная возможность снова стать свободными.

Президент замолчал. Хармон никогда еще не видел его таким измученным и безнадежно усталым.

Йеллин по-стариковски часто и хрипло задышал. Конец его трости со скрипом подвинулся на паркете. На несколько секунд всех присутствующих словно бы разбил легкий паралич. Но через мгновение они уже говорили, все разом.

– Том, мне нужно переговорить с тобой и Джоном наедине, – громко заявил президент Вайерман и закашлялся в кулак.

Хеймс нагнулся и помог президенту выбраться из кресла. Обернувшись, Хармон увидел, что растерянный Геневич уже поднялся на ноги.

– Боюсь, что нам придется пройти на кухню, – с достоинством и одновременно смущенно добавил Вайерман. – Миссис Вайерман отдыхает в спальне.

4

Кухня подавляла их своим бетонным полом, заржавленной раковиной и облезлыми дверцами двух посудных шкафчиков. Вайерман устало присел боком на расстеленную на пыльном мраморном подоконнике газету, повернулся к Геновичу и взглянул на него со смешанным выражением боли и обиженного удивления.

– Теперь ты вполне можешь сказать мне, Джон, что я сошел с ума. Здесь это возможно.

Генович неловко прислонился бедром к раковине и закусил нижнюю губу. Потом покачал головой.

– Ничего не получится, господин Президент. У нас нет ни единого шанса из миллиона. С автоматами против целой империи – смешно! Допуская даже, что в результате неожиданности нападения возможен первоначальный успех – допуская даже, что наша атака будет приурочена к переводу пришельцами своих сил в другой, отдаленный регион – но когда эти силы вернуться обратно, от нас мокрого места не останется. Нет – даже думать нечего.

Вайерман повернулся к Хармону.

– Ты тоже так считаешь, Том?

Хармон кивнул, чувствуя, что от невыносимой тесноты крохотной кухоньки с ее старой, почти антикварной плитой, на которой худенькая и болезненная, тонкоголосая госпожа Вайерман вынуждена была готовить, у него вот-вот случится обморок.

Каким-то образом президент сумел вызвать на свое измученное лицо улыбку. Улыбающийся на дыбе мученик.

– Ты прав, Том, прав. Через месяц или два на Землю прибудет их карательный флот, и восстание возможно будет подавлено. Но скажи мне – неужели ты поверил этой сказке об аннулированном военном контракте? Лишнее оружие, которое некуда девать – вы только представьте себе это. Слабоумные директора компании решили выбросить целое состояние на ветер, так получается?

Хармон нахмурился. Его плечи неожиданно остро вздернулись вверх, он резко поднял руку и сильно ударил костяшками пальцев о дверь кухонного шкафчика.

– Господи, нет, конечно нет! Извини, Ральф – я слишком отошел от дел, теряю былую хватку. Правительство Центавра наконец решилось сделать первый шаг!

Углы губ Вайермана растянулись в слабой согласной улыбке.

– То же самое подумал и я. Официально, они не причем. Но в то же время в наши руки дается средство сдвинуть дело с мертвой точки, положить начало, и, как я думаю, если все пойдет более менее удачно, если у нас что-то получится, мы увидим вскоре и более тяжелое вооружение, моторизованную технику, словно бы кто-то где-то вдруг приведет в действие тщательно разработанный план широкого перевооружения всего военного флота ОЦС. Это будет выглядеть так.

Генович неожиданно издал громкий и отрывистый смешок – напряжение двух десятков лет ожидания наконец нашло себе выход, решил Хармон. Вайерман уже не улыбался. Он снова погрузился в глубины усталого, безнадежного отчаяния, в котором один только несгибаемый стержень природного упрямства не давал ему сломиться и пасть на дно полной безжизненности.

Хармон не понимал этого. Не в силах отвлечься мыслями от нищеты кухни, он машинально представлял себе остальную обстановку квартиры, существование Вайермана, каким оно могло быть здесь – прозябание Президента в изгнании, двадцать лет ждущего дня своего воскрешения – жизнь в таких вот условиях, в постоянной нужде, в жалких попытках содержать себя и семью на те крохи, которые он мог позволить себе из скудных фондов – при этом наблюдая за тем, как члены его собственного кабинета, мужчины одних с ним лет, добиваются

положения и живут с удобствами, в то время как сам он вынужден ютиться почти в трущобах, поддерживая жизнь общего символа, загнанный в ловушку необходимости оставаться Президентом объединенного правительства Земли и Солнечной системы, закрывая глаза на дешевую еду и заплятанную одежду для своей семьи во имя Цели, узнав, что даже премьер-министр сумел найти себе обычную работу, не запятнав при этом светлую память свободной Земли, чего он, Президент, сделать не смог. Остальные из их числа на людях с готовностью признавали, что Земли больше нет, ни здесь, ни где-то еще, но кто-то должен был оставаться хранителем красивой фикции – кто-то, кто вдыхал жизнь в официальную сказку о том, что «правительство в изгнании» все еще представляет свой народ – этим человеком был Вайерман. Но если он сознательно шел на эту жертву, тогда почему ему так тяжело сейчас?

– Том...

– Да, Ральф?

– Том, и ты, Джон, – в это было трудно поверить, но Вайерман почти умолял. – Вы ведь поддержите меня вместе с остальными членами кабинета, поддержите, да?

– Поддержим ли мы тебя? Ну конечно же, Ральф.

Хармон недоуменно нахмурился.

Вайерман вздохнул и провел рукой по лицу, словно снял с него невидимую паутину.

– Спасибо, – прошептал он.

Хармон взглянул на Геновича и поднял бровь. Генович пожал плечами и покачал головой.

Он тоже ничего не понимал.

– Хорошо, господа, теперь, мне кажется, настала пора вернуться к остальным.

Вайерман собрался с силами и медленно встал с подоконника. Подняв голову, он слабо улыбнулся Хармону.

– Старику моих лет следует лежать в гамаке где-нибудь на лужайке на заднем дворе и следить за тем как растет трава.

Президент двинулся к выходу из кухни, следом за ним шагнул Хармон – Генович предупредительно открыл перед ними дверь и отступил в сторону. В гостиной они заняли свои места.

Члены кабинета встретили их в тишине, основные взгляды были устремлены на Вайермана, но и на Хармона и Геновича посматривали не без интереса, очевидно, гадая, что произошло между ними и Президентом на кухне. Хармон придал лицу невозмутимое выражение, сам пытаясь представить себе, что Вайерман предпримет теперь.

– Господа... – заговорил Президент. – Я думаю, у всех было время, чтобы четко представить себе последствия, истекающие из объявленного мной только что.

Вот в этом Хармон сомневался. Только что он убедился, каким толстым слоем ржавчины покрылись его собственные мозги. Он сильно сомневался в том, что головы у остальных работают лучше, а в ряде отдельных случаев – это касалось Йеллина, Дюплезиса и некоторых остальных – можно было смело считать, что при данных очевидных мыслительных способностях о здравых суждениях здесь речи вообще идти не могло. Но все и каждый в комнате солидно кивнули, с достаточно честными глазами, но именно эта общая готовность к ответу укрепила его уверенность в том, что на самом деле присутствующие еще очень далеки от окончательных и верных выводов.

Это не остановить, подумал Хармон. Оставшись без постоянной тренировки, мозги малопомалу притупляются, и никто не может сказать, когда наступит финал – но уж если до этого доходит, обратной дороги не бывает. Но деваться некуда, это все, что у нас, собравшихся здесь, есть в наличии; мы будем пытаться работать с тем, что осталось.

Он снова с тоской вспомнил Такавара – жалко, что его нет сейчас здесь. Сожалеть можно было о многом, например о том, что все то же самое не случилось с ними десять лет назад. Или, еще лучше, в самом начале – такие они были светлые головы тогда, незаурядные зрелые люди. Однако история никогда не поворачивается вспять по желанию человека.

– Теперь у нас наконец есть шанс, – продолжил Вайерман. – Мы не можем позволить себе упустить его. Вся наша энергия, все наши способности должны быть посвящены этому. Впереди предстоит огромная административная работа, нужно будет составить многолетнюю программу и приступить к ее реализации. Как я понимаю, нам снова так или иначе придется вступить в тесный контакт с центаврианским правительством. Процедура встреч на высшем уровне потребует огромных затрат сил. Кроме того, как только освобождение нашей родины действительно начнется, мы все должны будем быть готовы к возвращению, чтобы встать во главе восстания. В данной ситуации, по моему мнению, лучшим решением будет находиться вблизи Солнечной системы на корабле, ждать в космосе.

Хармон услышал, как рядом с ним досадливо хмыкнул Стэнли. Подняв голову и обводя глазами присутствующих, он увидел, как постепенно, по мере того как слова Вайермана начинали оказывать свое действие, менялись их лица.

5

– Минуточку, господин Президент! – Стэнли вскочил с места.

Президент неспешно повернул голову в сторону министра финансов. Увидев глаза Вайермана, Хармон вдруг понял, что так беспокоило их главу. Во взгляде Президента слилось очень многое. И в числе прочего удивление в этом взгляде было не основным.

– Я слушаю вас, Эдвард? – проговорил Вайерман и вздохнул.

– Насколько я понимаю, вы просите нас уделить этому проекту свое время. Это так?

– Вы члены моего кабинета... Вы принесли клятву служить Родине и Правительству. Вот мой ответ, Эдвард.

Окончание тихой фразы Президента утонуло в эмоциональной отповеди министра финансов. Стэнли неловко всплеснул руками.

– Ну что ж... Да! Да, я клялся. Но в то же время нельзя забывать, что я занимаю здесь пост, очень важный пост – у меня есть определенные обязанности... Проклятие, Ральф, ведь я директор самого большого столичного банка!

– Понимаю. Хочешь ли ты этим сказать, что не сможешь оставить свою работу немедленно, или же ты понимаешь свои обязанности как банкира как нечто более важное сравнительно с долгом по отношению к Земле?

Карл Гартманн уже был на ногах.

– Мне кажется, что министр Стэнли хотел сказать, что он прочно укоренился здесь. Ведь... в конце концов, господин Президент, прошло двадцать лет – не так просто взять и оборвать все разом. Взять например меня – у меня здесь адвокатская контора, собственный дом... моя жена десять лет обставляла и благоустраивала этот дом. Мой сын женат на местной девушке, у них есть дети... – Под взглядом Вайермана Гартманн смешался. Пришла его очередь запинаться и злиться на все и вся.

– В конце концов... в конце концов, когда я с женой прилетел сюда, у нас не было ничего кроме одежды на себе. Я работал, Ральф – я работал очень много и тяжело. Мне пришлось заново учить весь свод законов. Я служил клерком, потом сдавал экзамены на допуск юриста – это в мои-то годы. На Земле я был уважаемым человеком, известным адвокатом. Но здесь это никого не интересовало. Я снова вынужден был начинать с самых низов. И я добился своего. Я снова стал известным адвокатом, теперь здесь, на Чиероне. Если я вернусь назад – если я вдруг соглашусь на это – мне что, сдавать экзамены в третий раз? Потому что первое, что произойдет после изгнания пришельцев, это будут новые выборы. Вы можете гарантировать мне, что я окажусь в новом президентском кабинете?

Хармон, вспоминая тем временем бесконечные ряды начищенных кухонных котлов, то, как он пробивался наверх, размышляющий о своем теперешнем положении, тяжело, но справедливо заслуженном, услышал, как несколько человек дружно выразили свое согласие с Гартманном.

Господи Боже мой, подумал тогда Хармон, мы даже представить себе этого не могли – ни один из нас, включая Президента – мы даже помыслить не могли о том, что такой день когда-нибудь наступит и что мы почувствуем тогда.

– Ваша реакция весьма любопытна, господин Гартманн, – негромко проговорил Вайерман, не отступая ни на дюйм и видимым усилием воли загоняя назад те знаки слабости, которые он позволил себе выказать при Хармоне и Геновиче. – Не думаю, что той же точки зрения придерживаются остальные члены кабинета министров, положение в обществе большинства из которых ничем не уступает положению вашему и господина Стэнли.

Президент жестко взглянул на Геновича, и только Хармон заметил, как крепко сжались пальцы рук Вайермана на подлокотниках кресла и как побелели их костяшки.

– Для разнообразия, давайте послушаем мнение Джона.

Генович упорно смотрел в пол. Он даже не пытался поднять головы. Вайерман попробовал добраться до него взглядом, но не смог. Наконец Генович встал с места и глубоко вздохнул.

– Эд Стэнли хотел только узнать, потребуется ли этот проект полной отдачи сил и времени, господин Президент. Вы поставили его перед выбором – теперешняя работа «на стороне» или... Считаю, что лучше будет сразу расставить все «точки над i». Прямо сейчас.

Генович говорил тихо, но решительно.

– Совсем недавно я обещал вам кое-что, господин Президент. Я не забыл об этом. Я давал так же обещание остальным членам кабинета, и об этом я тоже помню. Но сейчас я оказался на перепутье. Я целиком согласен с тем, что сказал Карл. Я торговый посредник, иначе говоря, крупный коммивояжер – держу в своих руках продажу запасных частей для легковых автомашин во всем Чиероне, а также Белфонте, Ньюфидефии и маленьких городках в прилегающих областях. По меньшей мере шесть месяцев в году я провожу в дороге. Я зарабатываю хорошие деньги, потому что научился торговать. Я много работал – и говоря это, я не хочу прибавить себе веса, просто так обстоят дела – в течение последних лет, почти двадцати лет, каждый день я понимал себя как торгового агента «Машиностроительного завода Чиерон-Сити». Раз или два в месяц, когда бываю в городе, я на несколько часов заглядываю сюда к вам. Теперь скажите мне, что из того, чем я занимаюсь, называется «работой на стороне», а что нет?

– Не хочу, чтобы вы подумали, что я не патриот или что я забыл, через что пришлось пройти тем, кто остался на Земле. Но здесь у меня семья, и я обязан ее кормить. Останься я на Земле, я может быть взял бы в руки автомат и сделал бы то, что считал нужным, чего бы это мне ни стоило. Но...

– Стыдно! – неожиданно выкрикнул Йеллин. – Какой стыд! Вот уж не думал, что услышу такое – в этой комнате говорят о предательстве!

Старик дрожал от ярости, его горящий взгляд метался между Геновичем, Гартманном и Стэнли.

– Временщики, вы забыли о чести! – эхом откликнулся Дюплезис. – Пока на это можно было смотреть... как на клуб любителей игры в Правительство, вы все сносили молча. И вот теперь, когда разговор зашел о настоящем деле, вы бросаете все на тех, над кем раньше посмеивались в кулак. Вы, в вашей клоунской чужепланетной одежде, разговаривающие только на варварском наречии, вы забыли манеры порядочных людей. Что ж, отлично – возвращайтесь в свои банки, в свои стряпчие конторы, за баранку машины коммивояжера. Обрато к своим закопченным кухонным котлам! Вы нам не нужны! Те из нас кто помнит о том, что такое родина и все эти годы ждал начала освободительной войны, мы сделаем все сами без вас – мы, старики, сделаем это вместо вас! Все, что требуется!

За ним подали голос другие: Асманди, медленноречивый Домбровски, Джонс – со всех сторон неслись разгневанные возгласы. Хармон оглянулся на Геновича, сидящего посреди шума и гама понуриив голову, дав возможность Стэнли, Гартманну и их сторонникам спорить и пререкаться с Йеллиным и ему подобными. Лицо Геновича сделалось пепельно-серым, и Хармону внезапно стало его очень жалко.

– Господа! – Вайерман все еще держался непоколебимо. Его крепко сжатые губы почти исчезли, но слова, с которыми он обратился к Хармону, звучали твердо и отчетливо. – Мы еще не слышали мнения нашего премьер-министра.

Хармон ощутил на себе давление множества глаз, впившихся в него из всех углов комнаты. Но среди этих глаз он различал только глаза Президента. Секунду они смотрели друг на друга, оба замерев на своих местах – Хармону припомнились первые дни на Чиероне, Нола тогда все время болела, а он должен был работать, уходил на всю ночь, оставляя ее совсем одну. Потом, когда она умерла, он все равно продолжал трудиться, потому что не в его натуре

было сидеть сиднем или голодать. Теперь у него есть все – положение на службе, отличное жилище, репутация.

Сплотить кабинет будет трудно, очень трудно, почти невозможно. Президент предлагает им смертельно рискованный план; если план провалится, это будет означать конец им всем, в лучшем случае как работоспособной группе, конец надежде на освобождение Земли, тем более что план практически обречен на провал, в них уже нет согласия, их раздражают горечь и стыд, все готово рухнуть едва начавшись. Что требовать от смертного? – он слаб.

– Я намерен остаться с Президентом и продолжать работать с ним, – сказал он после едва заметной паузы, понимая, что вероятно совершает ужасную ошибку. – Я связан клятвой.

Соблазн послать все к черту и перебежать на другую сторону был очень велик. Гартманн прав – даже если они победят, ничто на Земле не сравнится с тем, что они имеют здесь.

Вайерман кивнул ему и откинулся на спинку своего кресла, словно напряжение лишило его последних сил, но тут же поднял голову снова.

– Очень хорошо, господа, все слышали, что сказал Том. Теперь я хочу, чтобы вы проголосовали – кто за то, чтобы согласиться с предложением принять оружие и передать его генералу Хамилю?

Президент обвел присутствующих требовательным взглядом, Хармон сделал то же самое – и вздрогнул.

Потом глубоко и тихо вздохнул и попытался разобраться, во что он только что сам себя втянул. Подавляющее большинство кабинета было против. Голоса разделились точно по демаркационной линии, по одну сторону которой находились те, кто сумел сделать карьеру на Чиероне, а по другую те, кто по тем или иным причинам не сумел. Он остался один, потому что на Йеллина и других затворников нельзя было рассчитывать. Как он сюда попал? Он не должен здесь быть, это не его место. Теперь ему придется вести борьбу с теми людьми, которых он понимает, которых считал своими добрыми знакомыми и даже друзьями, сам вступив в ряды тех, с кем не имел ничего общего вот уже двадцать лет подряд. Мысль о том, что они обречены на бесславный провал с самого начала, все более и более овладевала им – дел было невпроворот даже останься они все вместе – теперь же он был уверен, что шансов на победу не стало никаких, впереди их не могло ждать ничего, кроме мучительного поражения.

Но он все равно пойдет с ними – он обещал это Вайерману только что и связал себя давней клятвой. Любая логика, к которой он прибегал, требовала от него бросить эту безнадежную затею, а он привык прислушиваться к своей логике. Но он переступит через себя, останется с Президентом и сделает все, что в его силах, а там будь что будет.

– Спасибо, Том, – отозвался Вайерман. – Я порошу вас сформировать из членов группы господина Йеллина новый кабинет. От всех остальных, господа, проголосовавших против, я жду отставки. У меня нет другого выхода.

Лицо Вайермана посерело. Хармон внезапно понял, что взвалил на свои плечи непосильную ношу.

В собрании наступила глубокая тишина. В этой тишине удивленный голос Хармона прозвучал очень громко:

– Ральф! Ты не можешь поступить так!

– Я вынужден, Том. Мне нужны люди, на которых я могу положиться.

– Но ты не можешь формировать кабинет всего с шестью членами. И ты не можешь увеличить число членов за счет кого-то нового со стороны – практически все, из кого ты можешь выбирать, сейчас находятся здесь, остальных беженцев с Землей вообще ничего не связывает, никаких клятв Правительству они не давали. Мы должны работать над этим все вместе, просто нужно найти какой-то компромисс. Вшестером нам не справиться ни за что, ты только

посмотри на нас, мы так устали. Нет, это невозможно. Это... да, это настоящее самоубийство! По крайней мере определенно провал, это точно.

– Мы *обязаны* сделать это, – ответил ему Президент. – Это дело гораздо важнее собственного здоровья и благополучия. Мы должны попытаться ради Земли, ради свободы нашего народа. Но с нами должны быть только те, кто думает так же как я, кто решился идти до конца. Мы должны победить!

Не в силах поверить происходящему, Хармон потряс головой.

– Двадцать лет у нас не было надежды, но мы были вместе, – пробормотал он. – И нужно было появиться шансу на победу, чтобы разбить наш круг.

– Том – ты не хочешь остаться со мной? Ты передумал? Я требую ответа!

– Ральф... я просто взываю к твоему разуму!

– Ничем иным я не руководствуюсь. Все мои решения приняты на основе разума и чистой логики.

Шея Вайермана уже не могла держать его голову ровно, он поднял руку и прижал к затылку ладонь.

– Видимо твои рассуждения и логика отличаются от моих, Том, вот и все. Ну что ж, хорошо – господин Йеллин, я попрошу вас начать формирование кабинета.

6

Они тихо встали и гуськом потянулись по узкому коридору к выходу – Гартманн, Стэнли, Генович и остальные; Хармон шел последним. Переставляя одеревеневшие ноги, он старался не слушать, о чем говорит Президент оставшимся в гостиной. Неожиданно все это перестало его касаться. Он двигался, укрывшись в собственную личную скорлупу, смутно отмечая, что фигуры впереди него молчат, не разговаривают друг с другом, а просто торопятся поскорее и как можно тише покинуть эту квартиру. Когда Хармон оказался у двери кухни, его тронул за рукав Хеймс – он не сразу отреагировал в ответ. Потом повернулся и проговорил:

– Да?

Он не расслышал, что ему сказал Хеймс. Секретарь президентской канцелярии повторил:

– Прошу прощения, сэр. Ваш последний чек – вы позволите мне передать его в Фонд, как обычно?

Хармон поспешно кивнул.

– Да, да. И вот еще, возьмите...

Он вытащил из внутреннего кармана бумажник, достал из него почти все свои наличные деньги и протянул купюры Хеймсу, добавляя их к ежемесячному взносу.

– Прошу вас, возьмите это.

– Благодарю вас, сэр. Сэр, вы знаете, *он* должен был поступить так, хотел он того или нет.

– Я знаю. До свидания, Хеймс.

– До свидания, сэр.

– Заходите как-нибудь пообедать. Заведение угощает.

– Спасибо, сэр. Боюсь, что теперь я не смогу этого сделать.

– Да, конечно, я понимаю.

Он повернулся и вышел на площадку этажа, где перед лифтом собралась небольшая толпа. Хеймс закрыл за ним выкрашенную тусклой коричневой краской дверь.

Оказалось, что в лифте не хватает для него места.

– Спускайтесь, я подожду, – пробормотал Хармон. – Я поеду потом, один.

Он принялся ждать лифта, размышляя о том, выйдет у Вайермана хоть что-нибудь. О том, увидится ли он когда-нибудь с Гартманном или Геновичем снова, он даже не думал. Возможно, что они встретятся как-нибудь, где-то. Но скорее всего, они просто растворятся в центаврианском обществе и исчезнут, чтобы никогда уже не появляться на поверхность в каком-либо ином, кроме как в виде истинных граждан Центавра, ничем не отличающихся от других центавриан.

Дверь лифта открылась, он ступил в кабину и начал опускаться вниз в полном одиночестве, скованно застыв в углу и сжав руками перила, и вдруг ощутил твердую уверенность в том, что кабина никогда уже не остановится и что остаток жизни ему придется провести в бесконечном гроыхающем спуске в нескончаемой вертикальной кишке шахты, где единственными событиями будут появляющиеся через равные промежутки времени в зарешеченных стеклянных окошках двери кабины ответные стеклянные зарешеченные окошки наружных дверей, закрытых теперь для него навсегда и проносящихся мимо настолько быстро, что заметить протекающую за ними жизнь будет просто невозможно. Он находится здесь уже много лет, и воспоминания о прошлом не более чем галлюцинация, созданная для облегчения его участи и сохранения рассудка. Он почувствовал себя таким же старым и больным, как Йеллин. Бессилие и беспомощность, вот с чем предстоит жить ему, не сумевшему заставить себя восстать над своей человеческой натурой.

Всего несколько часов назад он думал о себе гораздо лучше. Он никогда не ждал благородства и самопожертвования от других, он рано поумнел и смотрел вокруг трезвыми глазами. Он считал своим долгом приподняться над бренностью плоти, с тем, чтобы остальному подавляющему большинству сограждан делать этого не пришлось. Взывать о подвиге к другим бесполезно, нужно свершить подвиг самому. Он рано сделал свой выбор, отчетливо понимая, что тем самым отказывается от предоставленной всем в равной мере возможности наслаждаться мирскими утехами. Вскоре после этого он открыл, что несмотря на затраченные им усилия, все трудности из жизни среднего человека исключить все равно не удастся. Но продолжал верить, что без него и таких людей как он – без таких редкостных самородков как Вайерман, которого он всегда считал лучшим из лучших – жизнь среднего человека уже не будет осложняться трудностями среднего порядка, но станет просто невыносимой. Как ему думать о себе теперь?

Лифт продолжал опускаться вместе с ним вниз.

По прошествии некоторого времени он вдруг подумал, что слишком много внимания уделяет собственным переживаниям, излишне много – он должен смотреть на происходящее в исторической перспективе, не только как на расцвет и падение Томаса Хармона и Ральфа Вайермана, но также и всего остального, что они собой представляют. Он должен сказать себе, что то, что случилось с ними как с отдельными индивидуумами, неприятно, болезненно, но вполне закономерно и может вызвать сочувствие, но в то же время все это есть не более чем отображение низвержения идеалов свободной Земли.

Надежда умерла в тот же день, когда они оставили Землю, подумал он. Нам казалось, что мы спасаем нечто больше, чем свои собственные шкуры: мы были символом, в котором сосредоточились надежды всех страдающих – мы стали звездой, на которую можно было смотреть в темноте ночи, надеясь на то, что она принесет завтра. Но мы ошибались. Люди склонны к тому, что бы верить в символ как в вещь в себе, это бесспорно. Люди могут также верить в то, что пока Ральф Вайерман жив, жива и организация, называющая себя «правительством Свободной Земли», что фактически означает, что Свободная Земля продолжает существовать где-то. Но народ гораздо умнее, чем о нем думают некоторые, и может случится, что в один прекрасный день люди распрощаются со своей мечтой. Народ может ждать, но не может ждать вечно. Каждое утро людям приходится просыпаться и проживать новый день. Пришелец на углу гораздо реальней для них, чем Президент, находящийся неизвестно где в пяти квадриллионах миль. Пришелец всегда молод, всегда силен и ловок. Президент стареет, его обещание вернуться так и остается обещанием. Вера слабеет и уходит. Люди берут свои судьбы в свои руки и начинают трудиться, а вера в великое забывается, и на этот раз навсегда.

Земля больше не верит в нас, и не стоит обманываться на этот счет, поскольку мы сами больше не верим в себя. И совсем неважно, что в свое время мы им обещали, как мало или как много было дано этих обещаний. В глубине души мы знали это всегда. Именно потому самые способные и энергичные из нас начали отдаляться, едва лишь наши ноги коснулись поверхности чужого мира, бросив стариков и неспособных, у которых не было ничего кроме надежды, которые со временем воспитали в себе нечто, что уже нельзя было назвать надеждой, но что было очень похоже на отчаяние.

То же самое и на Земле – о нас забыли все, кроме калек и неудачников. Война проиграна, и времена изменились – прежних нас больше нет, и мы понимаем это. Свободы не будет больше никогда, и Земля тоже понимает это. Нет надежды для нас и нет надежды для Земли. Бодрые и энергичные пришельцы заправляют делами, вечно молодые, они без труда сменяют друг друга, в то время как нас некому заменить.

Достигнув первого этажа, кабина лифта вздрогнула и остановилась. Дверь открывалась легко, но Хармону потребовалось собрать все силы, чтобы толкнуть ее и выйти в холл.

Вайерман видел все это и понимал, и раньше и глубже чем все мы. Он должен был это понимать, иначе быть не могло. Он знал, чем это кончится еще до того, как мы все оказались

на борту корабля-беглеца. Но он не свернул. Неужели он сделал это ради нас? – ради Йеллина и меня, потому с надеждой нам было легче продержаться здесь в самом начале. Может быть, он сделал это ради своей семьи? Ради Земли, ради той недолгой надежды, которую его народ пронес с собой через первые годы оккупации? Скорее всего, я уверен в этом, он не выделял что-то за главное, он помнил обо всем. Какой ум, какая преданность делу! Даже здесь он не позволил себе следовать примеру Геновича, Гартманна или Стэнли, или остальных молодых – и это при том, что среди нас он был самым лучшим. Он выстоял и не сломался и дождался сегодняшнего дня. Он не ослабел духом. И он это знает. Должен знать. Он наш Президент, и потому обязан идти вперед во что бы то ни было. Народ умнее, чем многие о нем думают, но народу Президента не понять. Для Вайермана нет иного выхода, вот и все.

Но я дело другое, я волен поступать по своему усмотрению, так чего мне стыдиться? Мир полон умных людей, которые ведут себя умно и уважаемы за это всеми. Меня тоже уважают. Все уважают меня.

Хармон закрыл за собой дверь лифта и двинулся через холл, раздумывая о том, что действительно уважаем практически всеми. Через несколько шагов он заметил одинокую фигуру, сидящую на стуле у стены.

Это был высокий и плечистый, очевидно сильный, однако почему-то не олицетворяющий собой ни твердости духа, ни решительной силы молодой человек, которому сейчас, как не сразу сообразил Хармон, должно было быть что-то около двадцати пяти лет. В это было трудно поверить – настолько трудно, что уверенность пришла к Хармону только после специального непродолжительного копания в памяти и расчетов: двадцать лет здесь на Чиероне, плюс четыре года полета с Земли, да годовалый на вид мальчик у матери на руках во время их торопливой посадки на корабль. Следовательно, сейчас ему должно быть около двадцати пяти – двадцати шести лет, этому мальчику-мужчине.

Он сидел в этом мрачном, убогом, грязном и угнетающем холле, наклонив плечи и верхнюю половину туловища вперед, опершись локтями о бедра, опустив безвольные кисти на колени. Не отрываясь, он смотрел в заплеванный пол прямо перед собой, и его лицо как-то странно кривилось, незаметно, но постоянно; подрагивали углы его рта, глаза то широко раскрывались, то сощуривались, на его скулах играли желваки – вся эта нервная мимика напоминала поток невразумительных и случайных звуков, несущихся из динамика настраиваемого приемника. О чем бы он ни думал, эти мысли тот час же находили свое отображение на его в общем-то равнодушном лице, и было ясно, что раздумья его носят торопливый и совершенно хаотический характер, от которого больше всего страдают мускулы, силящиеся справиться с фантастически разнообразным эмоциональным потоком приказов, посылаемых к ним мозгом.

А ведь с мальчиком что-то не так, подумал про себя Хармон, несколько испуганной зрелищем такого явного отсутствия организованности, недостатка мыслительной дисциплины в сознании молодого человека. Где-то, в чем-то этот мозг не нашел согласия с миром.

– Здравствуй, Майкл, – негромко проговорил он, и сын Президента Вайермана поднял на него глаза.

7

У него были тускло-каштановые волосы матери, ее же глаза и по птичьим заостренным чертам лица. Единственное, что он унаследовал от отца, это форму ушей – всем известные кувшинные ручки, которые были фирменным знаком Вайермана, на лице сына вызывали улыбку.

– Добрый вечер, господин Хармон.

Голос у мальчика – Хармон просто не мог заставить себя думать о нем, как о мужчине, в отношении возраста или как-то иначе – был бесцветным и неуверенным. На Хармона он смотрел с застенчивой дружелюбностью.

– Заседание уже закончилось? Господа Стэнли и Генович только что вышли из лифта.

– Они говорили с тобой?

Мальчик неловко покачал головой.

– Нет, не говорили.

Скорее всего, они сделали вид, что не замечают его. Это было проще всего. Разговор мог смутить и ту, и другую сторону. Да он и сам чуть было не сделал то же самое, чуть было не проскользнул мимо бочком с виноватым видом. Возможно сегодняшней их разговор последний, неожиданно сообразил Хармон.

– Да, Майкл, все кончилось. Но господин Йеллин и другие еще наверху.

– Правда? Тогда я лучше еще немного подожду.

Из тактических соображений во время собраний кабинета Майкла всегда удаляли из дома. Никто никогда не думал об этом, так привычно это стало, выходило как-то само собой с самого начала и неизменно продолжалось в течение остальных лет. В конце концов, какая польза от крутящегося под ногами мальчишки на заседании Правительства? С годами мальчик повзрослел, но привычка уходить из дома перед каждым собранием кабинета осталась.

Хармон, который лишь считанные разы навещал Вайермана неофициально, особенно после того, как их позиции в обычной жизни начали различаться так значительно, не имел возможности познакомиться с Майклом поближе. В первые годы деятельности «правительства в изгнании» у Президента и кабинета работы было столько, что маленькая фигурка мальчика замечалась лишь случайно и мимоходом, как неясная точка где-то далеко на заднем плане. Какими были отношения Майкла с родителями сейчас, Хармон не знал. Но можно было догадаться, что Президент смотрел на сына как на одно из разочарований в жизни – стоило лишь слегка вдуматься в этот вопрос, и подозрение переходило в разряд уверенности – наверняка детство мальчика проходило в основном в обществе матери. Было или первое результатом второго или наоборот, Хармон мог только гадать. Он смутно помнил происходящее на борту корабля, где Майкл, тогда очень смысленный и живой ребенок, постепенно превращался из младенца в маленького мальчика, своим шумом и играми постоянно мешающего важным занятиям отца. Со временем живость из Майкла ушла, и он изменился. Очень сильно изменился.

Сейчас он разговаривал с четким центаврианским акцентом, и догадаться о том, в каком мире он появился на свет, было невозможно. Одежда Майкла, само собой более чем недорогая, хоть и не являлась отражением последнего писка местной моды, тем не менее носилась им в манере, принятой среди центавриан и совершенно отличающейся от земной.

– Есть какие-нибудь новости? – спросил Хармона Майкл Вайерман.

Новости? Даже этот юнец, подумал Хармон, и тот понимает, что шестеренки их ходиков давно заржавели. В одном слове он ухитрился выразить кризис политики Правительства, которому вот уже двадцать лет было нечем править.

Хармон помолчал, раздумывая над ответом.

– Что сказать, может статься, что очень скоро ты вернешься на Землю, сынок.

– Вы имеете в виду, что центавриане наконец решили что-то сделать для нас?

– Скорее, они решили помочь вам разобраться в своих делах самим.

Майкл удивленно вскинул на Хармона глаза.

– Помочь нам? Разве вы больше не с нами?

– Я... боюсь, что нет, Майкл.

– Неужели вы не хотите *вернуться*, господин Хармон?

– Я... – Хармон покачал головой.

– Неужели вы не тоскуете по родине? Разве вы не хотите снова увидеть Землю?

Нотки недоумения и удивления в голосе Майкла превратились в откровенное неверие.

– По правде говоря, Майкл...

– Неужели вам *нравится* жить здесь? Вам что, нравятся эти люди и то, как они живут?

Внезапно разволновавшись, молодой человек больше не слушал его. Впервые Хармон видел его таким – подлинным энтузиастом, с жаром отстаивающим свои идеи. Невероятно, почти с первой же фразы он затронул область высшего интереса сына Вайермана.

– То, как они живут?

– *Вы* понимаете, что я имею в виду. Они грубы, они неотесаны, они не умеют себя вести... земляне совсем другие.

Хармон глубоко вздохнул.

– Ты так хорошо знаешь землян, Майкл?

Парень покраснел.

– Ну... конечно, я почти не помню Землю...

В течение нескольких секунд Майкл, чуть успокоившись, искал возможные контрдоводы. Потом снова бросился в атаку с удвоенной силой.

– Моя мать много рассказывала мне о людях Земли и о том, какой там была жизнь. Она показывала мне фотографии самых известных мест на Земле – большие красивые здания, музеи и библиотеки. Она рассказывала мне о Пятой Авеню, о Триумфальной Арке... – выговаривая последнее название, сын Вайермана запнулся. – О Женеве и Риме... о всех знаменитых городах.

– Я понимаю... Тогда наверно ты заметил, что многие земные здания ничуть не выше центаврианских. К тому же, музеев немало и тут.

– Я знаю. Но здесь никто не ходит в музеи, они никому не нужны.

– Да, ты прав... – Хармон почувствовал полную неспособность возразить что-то. Что может занять место мечты, которую лелеяли всю жизнь? Какие слова, какие аргументы могли одолеть искренние и глубинные эмоции?

– Значит, ты считаешь, что земляне и центавриане непохожи друг на друга?

– Конечно, а как же иначе! – воскликнул Майкл Вайерман. – Возьмите хотя бы историю. Откуда здесь взялись все эти люди? Просто они не нашли себе место на Земле. Это или неудачники, или отщепенцы. Вместо того чтобы попытаться влиться в круг цивилизованного общества, они бежали от него.

– И какое общество могли построить такие человеческие отбросы на Чиероне? Они трудились – само собой они трудились, но каждый из них сам по себе, не вспоминая о своем соседе – они достигли успехов в технике – а почему бы и нет, ведь планета богата полезными ископаемыми, только давай копай, любой добытчик за год делал себе тут состояние – но что здесь за жизнь? Все думают только о себе, наводнили свой мир блестящими безделушками и ревушими машинами и ни о чем больше не помнят.

– Что за наследство они могут оставить своим потомкам? Какие у них идеалы? Что у них за образование? Да, среди них встречаются симпатичные люди. Некоторые из них довольно умны. Некоторые из них серьезно смотрят в перспективу и не зарываются носом в рутину. Некоторые из них даже говорят о том, что жизнь должна быть устроена иначе – но все эти крупички тонут в общей массе; на фоне толпы эти единицы ничто.

Лицо Майкла Вайермана пылало. Он словно бы подждал здесь Хармона, чтобы высказаться и теперь желает спора, горячей дискуссии – а может быть просто хочет, чтобы его переубедили?

Томас Хармон медленно покачал головой. Ну что поделаешь с таким? Он ведь уже немало прожил на этом свете – как-никак четверть века осилил. Что будет с ним через следующую четверть века, изменит ли он свои взгляды на жизнь, чему научит она его чему-нибудь? Вот, например, он, Хармон, находится теперь так далеко от того, чему его давным-давно учили другие и до чего он когда-то доходил своим умом сам. Кто такой этот Майкл – ни рыба, ни мясо – тонет в воде и беспомощно бьется на суше – Боже мой! Нужно думать не о том, чем станет этот вызывающий беспокойство мальчик, а о том, что он есть сейчас!

Кто я такой чтобы рассчитывать здесь на успех, что я могу – разве произнести над ним пару магических слов, которые заставят его думать иначе?

Почувствовав к Майклу симпатию, Хармон вдруг понял, как молодой Вайерман стал таким, как он есть. Водоворот жизни захватил его, сковал по рукам и ногам и исказил форму его сознание, но повлиял при этом не только на него, но и на всех тех, кто был в ответе за него, кто должен и обязан был эту форму сознания выстраивать.

Поражение – поражение, которое никто не хотел признавать, поражение, называющееся любым другим именем кроме истинного, потому что окружающие Майкла взрослые не могли вынести мысли о поражении – вот что сделало из него то, кем он стал сейчас. Но тогда что же, подумал Хармон, что же сделало из *меня* то, чем я стал?

– Майкл...

Хармон замолчал. Что он собирается сказать этому мальчику – волшебное слово? А есть ли такое слово вообще? В мире людей нет места волшебству. У нас есть история, чем мы обычно называем политически лояльно выстроенную цепочку событий прошлой политической жизни. У нас есть психология, чем мы называем внутреннюю политику индивидуальной личности. У нас есть социология: наука о результатах применения политики в жизни. У нас есть то, что каждый человек знает о других людях, о том, что возможно сделать с людьми и что из этих возможностей в силах сделать лично он. Политика – этот бородатый анекдот он устал выслушивать на всех выборных компаниях, в которых принимал участие – это искусство распоряжаться возможностями. Которые так и остаются возможностями. Так каковы же возможности Майкла Вайермана? Или Ральфа Вайермана? Или Томаса Хармона?

– Майкл...

– Да, господин Хармон?

Что я делаю? Зачем мне искать для всех нас волшебное решение, если ясно, что такого не существует в природе? Если для поиска ответа недостаточно наших общих сил?

– Майкл... – начал он в третий раз.

– Может, вам лучше присесть, господин Хармон? – встревожено спросил его молодой человек.

– Нет. Нет, не нужно, со мной все в порядке, Майкл...

Внезапно Хармон сообразил, что дрожит от волнения как осиновый лист. Он должен остановиться, должен заставить себя прекратить бессмысленные поиски решения, которое каким-то образом сможет спасти их всех. Ведь их проблема неразрешима.

Внезапно восторженувшись, он сказал:

– Майкл... Ты можешь подняться сейчас со мной наверх? Прямо сейчас?

– Наверх?

– Я... я вот тут подумал кое о чем. Мне кажется, это может помочь твоему отцу... и мне... решить одну проблему.

Томас Хармон резко повернулся и, неловко скрывая волнение, бросился обратно к лифту – он спешил начать осуществлять задуманное, пока накапливающиеся сомнения не скуют их

тяжким грузом по рукам и ногам, пока не придет желание повернуть назад. Он настроил свой разум на разрешение проблемы, и разум его дал ответ, потому что был вполне в силах сделать это. Возможно это был не совсем тот ответ, которого он ждал, но об этом его разум ему пока что ничего не сказал.

Теперь они могут попытаться начать, вот о чем думал Хармон, и возможно, у них что-нибудь получится. Если парень согласится быть с ними, они могут попробовать. Новый символ, подкрепленный старым именем. Президент может согласиться с этим предложением, в особенности если Хармон добавит, что желает продолжать работу. Йеллина он вытерпит. Он вытерпит все что угодно и чем угодно пожертвует – если только это поможет приблизить победу. Он не может снова дать себе пасть жертвой сомнений и мучительных неопределенностей. Ответ в этом мальчике, иначе не *может* быть!

Монархическое наследование, в их-то время? Хармон фыркнул. Смешная мысль. Но народ – народ, который так мудр, но всегда с готовностью позволяющий провести себя – сможет ли народ верно угадать в новом Вайермане молодое и энергичное продолжение старого? Но ведь по большому счету, это так и есть. И какое кому дело, если несколько землян окажутся более зоркими и быстроумными, чем остальное подавляющее большинство – не в силах будут эти несколько жалких выдающихся единиц ослабить эффект знаменитого имени! Все, что им нужно сейчас, это время; немного времени и легкое на подъем население с высоким процентом энтузиастов, а после этого все силы ОЦС будут в их распоряжении, десантники и боевые корабли, и старый Вайерман успеет прибыть на место прежде, чем пузырь лопнет. Конечно же парень согласится помочь им, сомнений нет, он будет стараться изо всех сил.

Ни рыба, ни мясо – не просто очередное пушечное мясо, но новая пара молодых плеч в поддержку Вайермана. Молодой, энергичный – определенно в нем есть энергия, она ждет, чтобы ей дали выход в нужном направлении – энергия должна быть – а что самое главное, здесь, без сомнения, есть желание... Да, именно так, это наилучшее решение в рамках предоставленного им выбора.

Вот этот парень. Да. Какая в конце концов разница, *кто* он такой, каков он? Важно, *за кого* его будут принимать, пока это будет иметь значение.

– Живее, Майкл!

Он оглянулся. Молодой человек уже шел к нему, еще не знающий что думать, но уже явно заинтригованный, явно жаждущий узнать, что ожидает его впереди.

Глава 2

1

Впереди их ожидала земная ночь. Корабль уже вошел в атмосферу и погасил скорость, и Майкл Вайерман, стоя в шлюзе перед люком, ожидал команды к высадке. Люк должен был распахнуться вот-вот. Он попытался представить себе, как их корабль может выглядеть на экранах радаров пришельцев, что те подумают о внезапно появившемся в земной атмосфере неопознанном судне и так же внезапно исчезнувшем. Он поднял голову и снова посмотрел в иллюминатор люка, но опять не увидел там ничего кроме темноты, местами густых облаков, да слабо светящегося оранжевым остывающего стабилизатора по правому борту, раскалившегося в момент соприкосновения с атмосферой. Внизу он не мог различить ничего – ни гор, ни лесов, ни блеска лунного света на водных просторах.

Он разочарованно отвернулся от иллюминатора и проверил туго затянутые наплечные лямки своего огромного рюкзака. Зрелище в иллюминаторе было не слишком приятным для человека, с минуты на минуту собирающегося броситься туда с семьюдесятью пятью лишними фунтами на спине, без чего-то, что могло помочь ему, кроме хлипкого на вид парашюта-вертушки, сейчас сложенного и торчащего сзади над головой наподобие зонтика-трости.

Майкл установил свой наручный высотомер в соответствии с цифрами, бегущими на висящем справа на переборке табло, зажег и направил на шкалу приборчика карманный фонарик, чтобы зарядить ее самосветящийся материал, все это время непрестанно старательно повторяя себе, что все будет хорошо. На Центавре, когда Томас Хармон впервые изложил им свою идею, а отец неохотно согласился, он был вне себя от радости. Во время обучения и тренировок – под руководством инструктора, который определенно состоял на службе в центаврианских командос, хотя тщательно отрицал это – он проявил себя с самой лучшей стороны и приобрел уверенность в своих силах. Но сейчас, когда снаружи было так темно и непроглядно, он, всегда горящий желанием вернуться на Землю, не мог думать ни о чем, кроме ожидающих его внизу высоких деревьев и острых скал – если конечно там вообще хоть что-нибудь есть.

Его подтолкнули сзади, он обернулся и увидел круглую мучнистую физиономию жалобно улыбающегося ему Иссака Поттера. Вспомнив о том, что он не один, что с ним есть этот пухлый низкорослый человек, придавленный сейчас своей непомерной ношей, увенчанной смешным торчащим зонтиком, Майкл неожиданно почувствовал себя лучше. На Чиероне Поттер, вероятно зараженный энтузиазмом Майкла, желал броситься в бой не меньше его. На Чиероне этот толстый технический представитель компании со смехом говорил ему так: «Я отправляюсь туда, куда отправляются наши ружья», и говорил это серьезно. Поттер и теперь не оказался бы от своих слов, но было точно видно, что и для него Земля больше не представляется чем-то вроде уютно висящей на стене красивой географической карты, а кажется скорее большим, твердым и зубастым зверем.

Внутренность корабля была заполнена всевозможными звуками. Трение о воздух заставляло гудеть и петь каждый пиллерс и каждую переборку. От вибрации, рассылаемой корабельными двигателями, у Майкла ныли зубы. Каждый сустав и узел корабля скрипел и трещал на свой манер.

– Ну что, готов? – стараясь перекрыть шум, крикнул ему Иссак Поттер.

Майкл Вайерман улыбнулся в ответ. Он просунул пальцы под ремни шлема и провел ими от самого верха мимо упрямых оттопыренных ушей к подбородку. Потом проверил, надежно ли прикреплен к рюкзаку автомат.

Позади них начали раздаваться отрывистые сигнальные звонки. Он повернул голову и взглянул на светящуюся табличку над выходным люком. «Приготовиться», гласила загоревшаяся на табличке надпись. Следующая, нижняя надпись, «Пуск», все еще была темной. Майкл быстро присел на корточки, крепко обхватил руками колени, прижал к груди подбородок и спрятал лицо. Времени для того, чтобы разобраться в происходящем у него больше не будет. Если он не окажется в нужном положении, когда пилот нажмет кнопку запуска, если не превратиться перед этим в плотный комок, то полетит кувыркаясь по небу как безвольная кукла, изломанный скоростью и напором воздуха. Этот момент особо подчеркивался во время инструктажей и тренировок и специально демонстрировался на манекене. Он почувствовал, как ему в ягодицы уперлись мыски ботинок Поттера – тот тоже торопился приготовиться.

Как только он окажется в воздухе, быстро напомнил себе Майкл, нужно будет повернуться лицом вниз, вытянуться и расположить тело под углом сорок пять градусов к поверхности земли. Это тоже оговаривалось в инструкции. В этом случае риск сломать лопасти парашюта был наименьшим, хотя, по словам инструктора, такое случалось крайне редко. Но, тем не менее, нужно действовать по всем правилам. Какое положение тела стоит принять, если лопасти все-таки сломаются, ему тоже рассказали, на этот счет у десантников ОЦС было запасено немало шуток.

На табло загорелась команда «Пуск». Звонок завершал уже совсем пронзительно. Люк мгновенно откинулся, и внезапно они вместе с Поттером очутились снаружи.

Следующее, что он смог разобрать отчетливо, был несущийся со всех сторон вверх облачный туман и гудение вращающихся над головой лопастей парашюта. В дюжине ярдов в стороне и наверху от него спускался, медленно сокращая разделяющее их расстояние, Иссак Поттер. О том, удачно или нет прошел выброс, Майкл не имел ни малейшего представления. Оглянувшись по сторонам, он не увидел ничего, кроме клубящейся темноты. В ушах Майкла грохотало его же собственное дыхание в кислородной маске укрепленной на подбородке. Корабль уже пропал, взял курс на безопасный космос за пределами Солнечной системы, и теперь, заметили их радары пришельцев или нет, думать об этом было слишком поздно и бесполезно.

Он опустил голову и взглянул на свой высотомер. Стрелка быстро описывала по шкале круги. Он начал следить за стрелкой, не в силах оторвать глаз.

Пилот десантного корабля – еще одно наемное центаврианское гражданское лицо с подозрительно военными манерами – обещал высадить их в районе не более мили от места рандеву со связниками партизанского отряда генерала Хамиля. По всему было видно, что пилот участвовал в подобных операциях не раз, и его заверениями все были удовлетворены вполне. Но вместе с тем раз или два, когда Майкл вспоминал о том, что с момента последнего сеанса связи с Хамилем прошло не менее месяца, по спине его начинал пробегать холодок. Никто, ни центавриане, ни земляне, не представляли себе, как операция будет происходить на месте. Он принялся смотреть вниз, ожидая появления верхушек деревьев. Пока он не видел ничего, несмотря на то, что показания его высотомера уже опустились до отметки в сто футов. Он согнул и напряг ноги, подготовившись к удару о землю, поднял руки и закрыл ими лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.